

«Горбачев был уклончив»

Какова была линия поведения Михаила Горбачева в вопросе объединения Германии, как немцы восприняли секретное послание секретаря ЦК Валентина Фалина, как решался вопрос вывода из ГДР советских войск — обо всем этом разговор главного редактора «Д» **Виктора Лошака** с чрезвычайным и полномочным послом **Владиславом Тереховым**.

Владислав Терехов

— Сразу скажу, что я приехал послом в ФРГ в начале 1990-го. Это была моя третья командировка в Германию, и я, естественно, очень внимательно следил за тем, что там происходит.

— **Давайте начнем с загадочно-го письма секретаря ЦК и, безусловно, крупнейшего знатока Германии, в прошлом посла в этой стране Валентина Фалина канцлеру Гельмуту Колю. Передано оно было, как пишут, через Николая Португалова. Ради чего Валентин Михайлович так отчаянно нарушил субординацию, не поставив в известность ни Горбачева, ни министра иностранных дел Шеварднадзе?**

— К этому моменту перспектива объединения Германии не отрицалась в принципе. Но Горбачев говорил об этом туманно, называя дистанцию в 50 или даже 100 лет... Собственно, Горбачев не был первым: тема объединения никогда не умирала, наверное, с самого окончания войны. Не многие вспоминают, что с письмом о германском единстве было приложением к договору между Брежневым и Брандтом, подписанному еще в 1970 году. За двадцатилетие до крушения стены это письмо предполагало такое развитие мира в будущем, которое позволит немецкому народу обрести общность. Без этого документа договор просто не был бы ратифицирован парламентом ФРГ. Хотя, с другой стороны, в 1975 году в Хельсинки были признаны все существовавшие на тот момент границы.

Что касается письма Фалина, это была в известной мере роковая ошибка. Его целью, как кажется, было удержать немецкую сторону от форсирования событий, рассмотрение идеи будущей немецкой конфедерации. Он думал, видимо, что предупреждает Коля об осторожности, об учете мнения СССР. К сожалению, руководством ФРГ это послание было прочтено по-иному. Советник Коля по международным вопросам Хорст Тельчик принес этот документ Колю со словами: «Русские уже думают о воссоединении Германии!» Канцлер воспринял написанное Фалиным как сигнал из Москвы, расширил и активизировал свои предложения по этому вопросу... Да, это было очень неосторожный шаг. Сами того не желая, дали понять, что раздумываем о процессе объединения.

— **А на самом деле? Ближайший помощник Михаила Сергеевича Анатолий Черняев писал, что именно в это время генсек был настолько занят проблемами собственной страны, что на международные вопросы выделял максимум 5% своего рабочего времени.**

— На самом деле целая группа людей в руководстве страны постоянно занималась международными вопросами: Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев, Валентин Фалин, тот же Черняев. К ним часто примыкал секретарь ЦК по идеологии Вадим Медведев. Сам же Горбачев всегда был уклончив. Его ответы можно было толковать и так и этак. А процесс уже назревал: Варшавский договор трещал по швам. Проблема была еще и в том, что любые слова Горбачева руководители ФРГ трактовали в свою пользу. Вместе с тем единого европейского фронта политиков за объединение под флагом ФРГ в тот момент не было: Европа еще не отошла от подозрительности к возможному усилению Германии. Тэтчер и Миттеран не хотели ускорения процесса объединения. Коля и его министр иностранных дел Геншер чувствовали себя неу-

Июль 1990-го. Встреча в Архызе. Слева направо: Эдуард Шеварднадзе, Гельмут Коля, переводчик Александр Курпаков, Михаил Горбачев. На втором плане — Раиса Горбачева

веренно. В таком состоянии они прилетели с визитом в Москву. Они не могли не знать, что на состоявшемся перед их визитом пленуме ЦК КПСС политика Горбачева и Шеварднадзе была подвергнута критике. Их волновало, захочет ли в этих обстоятельствах Горбачев пойти на уступки ФРГ. Но на встрече Горбачев сделал заявление, которое Коля воспринял как сенсацию. Страницу «Правды» (за 11 февраля 1990 года) с этим заявлением Тельчик взял в рамку и повесил у себя в кабинете. ТАСС сообщал: «М. С. Горбачев констатировал — и канцлер с ним согласился, что сейчас между СССР, ФРГ и ГДР нет разногласий по поводу того, что вопрос о единстве немецкой нации должны решать сами немцы и сами определять свой выбор, в какие сроки, какими темпами и на каких условиях они это единство будут реализовывать». Это была полная свобода рук на внутригерманских переговорах.

— **А что вы думаете о самом моменте крушения Берлинской стены?**

— Все произошло как-то поспешно и неумело. Руководство ГДР в этот момент было просто в разобранном со-

стоянии. Они по привычке хотели от Москвы указаний: что делать с демонстрациями, защищать ли стену, как поступать в отношениях с ФРГ... И не получали никакого внятного ответа. Посол Кочемасов, работавший в Берлине (ГДР) мой коллега, послал в Москву шифрограмму с ожиданием указаний в этой тяжелой ситуации. Ему тоже не ответили. Можно сказать, что внятным из Москвы было лишь указание держать войска нашей группировки в казармах.

— **Владислав Петрович, как я понимаю, самым тяжелым событием за ваше почти восьмилетнее посольство в Германии был вывод из этой страны советских войск. Ведь это тоже было прямым следствием и крушения стены, и намечавшегося объединения...**

— Вспоминаю июльскую встречу Горбачева с Колем в Архызе. В перерыве между заседаниями в кругу советников обсуждали с Михаилом Сергеевичем нашу финальную позицию: «Как будем поступать — у нас там Западная группа войск, мы стоим в самом центре Европы?» «Не стоим, а лежим, — махнул он рукой. — Даже денег нет их содержать...»

— **В некоторых книгах, воспоминаниях эта встреча, Архыз выглядят просто символом капитуляции...**

— Ничего неожиданного и незапланированного в Архызе не произошло. Переговоры по членству объединен-

ной Германии в НАТО, по переходному периоду, по финансированию вывода наших войск шли к тому времени более полугода.

— **Почему же мы так мало получили на вывод и обустройство наших войск — 15 млрд, а, как говорят, требовали больше 80 млрд?**

— Нужно понимать слабость нашей переговорной позиции. Жесткость наших публичных заявлений и требований нивелировалась нарастающими просьбами об оказании экономической и финансовой помощи для преодоления острейшего кризиса, в котором оказалась страна. Наши западные партнеры широко этим пользовались, наращивая свои требования и не идя ни на какие существенные уступки. Свой шанс отбросить СССР они использовали в полной мере.

— **Давайте вернемся к Архызу.**

— Полет в Ставропольский край, которым когда-то руководил Горбачев, был продолжением переговоров в Москве. Коля согласился лететь в ожидании получить от Горбачева согласие на полный суверенитет своей страны. Остановились в Ставрополе, где Михаил Сергеевич устроил посещение крайкома, которым он когда-то руководил. К радости журналистов, Коля согласился сфотографироваться в кресле первого секретаря. Дальше вертолеты сели в поле, и люди, убиравшие урожай, стали желать двум лидерам успехов. На следующий день состоялись очень напряженные переговоры. Горбачев добился ясного подтверждения важных для СССР положений в предстоящем урегулировании. В частности, речь шла о том, что иностранные войска НАТО не будут развертываться на территории бывшей ГДР и там не будут размещаться ядерное оружие и средства его доставки. После дискуссии канцлер с этим согласился. Президент настаивал на сокращении количества военных бундесвера, и Коля согласился на потолок в 370 тыс., хотя Горбачев начинал с 250 тыс. Была достигнута договоренность по оплате пребывания в Германии Западной группы войск (ЗГВ) на протяжении четырех лет — правда, в меньших размерах, чем мы рассчитывали. Оговорили условия вывода и финансирование строительства квартир для офицеров ЗГВ. Так что именно встреча в Архызе открыла путь к завершению переговоров «шестерки».

— **Вы рассказываете — и вроде все гладко, а я вспоминаю публикации тех лет: занесенные снегом палатки выведенных в поле частей Группы советских войск в Германии, застрявшая техника, махинации с военным имуществом...**

— Все, в том числе и дипломаты, немало намучились, реализовав эти договоренности на практике. Едва ли не миллионы солдат и офицеров, немислимо количество вооружений! Выделенных немцами денег явно не хватало. От СССР войска отделила Польша. Все обязательства друг перед другом стран Варшавского договора закончились. Поляки повели себя жестоко: хотите проехать — платите. Пришлось снаряжать флот, везти морем.

— **Странно, что последним посетившим ГДР руководителем большой страны был французский президент, а не советский...**

— Миттеран не только посетил ГДР, но даже успел на прощание подписать какие-то соглашения. Он предлагал Горбачеву совершить этот визит вместе, но Михаил Сергеевич, наверное, справедливо отказался, понимая, что ему достанется лишь миссия могольщика этой страны.

— **Тот случай, когда могольщик и освободитель вполне могли быть в одном лице. Спасибо за разговор.**

ЭКСКУРС

Никто не ждал революции

Историк **Илько-Саша Ковальчук** анализирует, какие силы внутри ГДР были решающими при сносе стены и свержении диктатуры Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Эта статья и о том, как много восточных немцев ни на что не решились и лишь наблюдали за революцией из-за занавески.

Илько-Саша Ковальчук

В 1989–1990 годах весь мир за таив дыхание следил за развитием ситуации в Германии. Каждый день там происходило нечто, о чем еще накануне никто не мог даже помыслить. Беспорной кульминацией явилась ночь с 9 на 10 ноября 1989 года и падение Берлинской стены, десятилетиями служившей символом коммунистического господства над половиной Европы.

В различных уголках планеты сегодня можно увидеть отдельные сегменты стены, продолжающие напоминать о символе несвободы и диктатуры, некогда разделявшие Берлин, Германию, Европу и весь мир. Во многих языках слово «Штази» — разговорное обозначение восточногерманского Министерства госбезопасности — по сей день служит синонимом подавления и слежки и символом диктатуры СЕПГ.

Берлинская стена была наиболее заметным проявлением вездесущего полицейского государства, державшего все свое население за колючей проволокой. В США тоже стоит несколько фрагментов стены, в частности в парке Президентской библиотеки им. Рональда Рейгана в Сими-Валли, штат Калифорния.

Именно Рейган 12 июня 1987 года произнес у Бранденбургских ворот в Западном Берлине эти знаменитые слова: «Мистер Горбачев, снесите эту стену!» Тем самым он ободрил мил-

лионы живших за ней людей: свободный мир о них не забыл.

Берлинская стена пала усилиями не только восточных немцев, но и поляков с венграми, чехов со словаками, эстонцев, латышей и литовцев. Первые камни из нее в период после 1980 года были вышиблены польским антикоммунистическим движением «Солидарность».

Когда 9 ноября 1989 года восточным немцам окончательно удалось пробить в стене брешь, политики в Лондоне и Париже поначалу не решались встать на сторону немцев и появившейся перспективы их воссоединения, в отличие от поляков и американцев. Не кто иной, как президент Джордж Буш, поспешил заверить немцев, что США — надежный партнер, который поддержит Германию и сделает все, чтобы немецкий народ как можно скорее восстановил государственный суверенитет и единство. В той ситуации Буш-старший оказался важнейшим другом Германии, его непоколебимая политика вскоре вынудила бывших союзников по анти-

Символичной для восточногерманской революции датой является 9 октября 1989 года. В этот день в Лейпциге на демонстрации против СЕПГ вышли свыше 70 тыс. человек. Власть не стали топить протесты в крови, хотя многие опасались, что это произойдет. Всего за несколько дней высокопоставленные функционеры СЕПГ в очередной раз за свистельствами китайским коллегам свое восхищение решительным пресечением выступлений оппозиции: в июне 1989 года в Пекине и ряде других городов Коммунистическая партия Китая расправилась с сотнями правозащитников и упрятала тысячи человек за решетку. Однако верхушка СЕПГ капитулировала перед неожиданной массовой протестом в Лейпциге. Революции никогда не одерживают победу над сильной властью.

Диктатура пала потому, что voice и exit — «голос» и «выход» — совпали. Такими терминами экономист и социолог Альберт Хиршман (1915–2012), родившийся в Германии и ра-

Большинство пряталось за занавесками до самого последнего дня и ждало исхода. Позднее на них посыпались дары демократии, свободы, верховенства права, которых они нимало не заслужили

ботавший в США, почти за 50 лет до этого описал диалектическое противоречие между стратегией эмиграции и интервенции. Историки давно доказали, что у революции в ГДР не было какой-то одной причины. Система пришла в упадок, экономика — тоже, политическая элита оказалась недееспособной, лояльность граждан была минимальной, а Гор-

бачев не хотел расходовать ресурсы на сохранение статус-кво. Режим СЕПГ рухнул не сам собой. Для этого потребовались усилия активных граждан. Часть из них уезжала, бежала из страны, что во многом способствовало дестабилизации системы. Оппозиция же заявляла — как бы упрямо и грозно — в ответ на эмигрантское движение: «Мы остаемся!» Большинство граждан прятались

кие молебны устраивались по понедельникам в церкви Святого Николая с 1982 года. — Д) в начале сентября 1989 года они не предложили выйти на улицы, знаменитым понедельничным демонстрациям было бы не из чего вырасти.

Никто не говорит, что революция явилась заслугой только движения правозащитников. Но предпосылкой для нее является накопление критиче-

Режим СЕПГ рухнул не сам собой. Для этого понадобились усилия активных граждан

ческой массы единомышленников. На это и было направлено создание «Нового форума»: настало время выйти из церковных стен и предъявить всему обществу некую концепцию, сформулированную достаточно широко, чтобы быть привлекательной в том числе для критически настроенных членов СЕПГ. За считанные дни и недели к «Новому форуму» присоединились десятки тысяч человек.

На демонстрациях полиция массово применяла силу, число задержанных росло. Протестующие скандировали в лицо властям «Нет насилию!» и призывали сограждан перестать прятаться за занавесками: «Граждане, не сверлите взглядом, спускайтесь и шагайте рядом!» Впрочем, большинство так и не последовали призыву, что можно понять с учетом количества полицейских.

Информация об этих событиях быстро стала достоянием мировой общественности. Как? Благодаря восточноберлинским оппозиционерам Араму Радомски и Зигберту Шефке, которые избежали от хвоста (а к ним были приставлены офицеры «Штази»), поехали в Лейпциг и с ве-

личайшим риском для себя запечатлели массовую демонстрацию. Один западный корреспондент из числа их знакомых вывез отснятый материал в Западный Берлин, после чего сенсационные кадры облетели весь мир. Если бы не эти двое и если бы не инициатива лейпцигских оппозиционеров по проведению «понедельничных демонстраций», история революции была бы другой. Только благодаря этим кадрам массовая демонстрация стала точкой невозврата, событием, которое невозможно было отрицать и, главное, которое служило мотивацией для многих других людей.

Возможно, революция в ГДР случилась бы и в отсутствие оппозиции — как знать? Зато доподлинно известно, кто больше всего сделал для ее успеха. Кроме того, мы знаем, что нигде, даже в Румынии и Болгарии, коммунисты не уходили со сцены просто так. Решающую роль в этом — особенно в таких странах, как Польша, Венгрия, ЧССР или прибалтийские государства, — играла организованная оппозиция.

Есть и два других примера, подтверждающих, что все не так просто: экономика Кубы пребывает почти в таком же плачевном положении, в каком была экономика ГДР, но диктатура Компартии там сохраняется. Еще более вопиющий случай — КНДР, где у государства такой запас прочности, что краха системы в обозримом будущем не предвидится. Но если государство пошатнется, то, как показывает история, и в Северной Корее по аналогии с ГДР для революции потребуется заразительная смелость немногих, которая подвигнет к восстанию массы.

Илько-Саша Ковальчук — немецкий историк. В 2009 году он написал книгу «Эншлиль. Революция 1989 года в ГДР».